

Дама с собачками

Война 1941-2000 -
4-й блок - с. 10

Лайма Вайкуле думает по-латышски, а считает по-русски

КОГДА на улице дождь, тяжелеет от влаги песок под ногами и море шумит так, что слышно даже за закрытыми окнами, Лайма лежит на диване в гостиной своего юрмальского дома, шелкая пультом домашнего кинотеатра. Дом, впрочем, не совсем ее. Свой дом Лайма никак не достроит, а пока вместе с домочадцами снимает одну из бывших цековских дач на берегу Рижского залива. В углу горит камин, в креслах — два американских бульдога, Джинни и Фэйри. Время от времени они переваливаются через край и большими бело-рыжими каплями «стекают» на пол. «Следующим летом ждем потомства», — сообщает Лайма. — Если кто-то захочет взять американского бульдога, обязательно скажите». Я киваю, но мне почему-то кажется, что у собачек «от Лаймы» не будет проблем с устройством в жизни. О собачках в частности и о животных вообще Лайма может говорить бесконечно.

— Лайма, а вам никогда не приходило в голову открыть приют для бездомных животных?

— Мне столько всего в голову приходило! Но ведь это настоящий бизнес. Не в смысле зарабатывания денег, а в смысле работы, отдачи сил. Создать что-то, а потом бросить за недостатком времени — нет, не тот случай. Это то же самое, что пойти в детский дом, взять ребенка, а потом передумать. Я все время повторяю фразу, что на Земле много разной живности и мы — лишь одна из них. Люди не всегда это понимают. Помню, как одному деятелю из Думы рассказали о женщине, у которой убили и съели собаку, а она за это спалила дом убийц. Этот деятель отреагировал так: «Подумаешь! Собаку съели!» Я была в ужасе! О чем мы после этого можем говорить? Или возьмите охоту. Как убийство может быть удовольствием?

— Какие проявления человеческой природы вам трудно стерпеть?

— Больше всего раздражает некомпетентность и глупость. Особенно когда глупый человек проявляет инициативу. Вот это невыносимо. Хочется бежать. В таком случае самое главное — не переубеждать. Потому что переубедить никого ни в чем нельзя. И не надо. Страшно, когда понимаешь, что говоришь с человеком на одном языке, а будто на разных. А простить я все могу. Кто мы такие, чтобы не прощать людей! Оправдание можно найти всему: измене, предательству. У нас большой коллектив, из него частенько кто-нибудь уходит. Но я никогда никого не осуждаю, и, как правило, они возвращаются. Андрей (Андрей Латковский — муж, друг, единомышленник и бессменный директор Лаймы. — О.Ш.) каждый раз удивляется: «Неужели ты простишь!» А у меня даже мысли такой нет, что я должна прощать. Если человек мне нужен, я его приму. Может быть, не буду больше относиться так... беспамятно... есть какое-то русское слово.

— Безоглядно?

— Да, так безоглядно, как раньше. Я вообще научилась относиться к людям не так безоглядно и безрассудно. Не то чтобы не доверяю, но... Помню: мне 12 лет, мы сидим с подругой в кафе, пьем кофе и я полностью в ней растворяюсь.

Сейчас этого нет. Очень жаль, кстати.

— Правда, что вы готовите новую версию «Лайма в стиле танго»?

— Скажем так: концерт будет доведен до ума. Думаю, это будет совсем другое зрелище, нежели два года назад на премьере в Москве. Тогда я была как кукла, совершающая механические движения. Даже тексты читала на мониторах! Кошмар какой-то! Как говорится, прошла на профессионализме.

— Мне всегда казалось, что, когда готовятся сольные концерты, вылизывается все до последней запятой. А вы говорите — тексты на мониторах.

— Во всем есть свои плюсы и минусы. Мне кажется, я все могу сделать сама. Подобрать балетмейстера, придумать костюмы, срежиссировать, решить, какими будут сценарий, реклама, фотосессия для альбома. Но каким бы выносимым ты ни казался себе и другим, как бы мало ни спал, сколько бы ни вкладывал в свой проект, сил, времени и денег всегда не хватает. Самый прекрасный для меня период — репетиционный. Время, когда что-то создается. Я и новые сольные программы помню по репетициям. Это такой непрерывный процесс, которому нет предела. Я сижу даже на репетициях балета, потому что у нас нет подтанцовок, нет первого и второго планов, все одинаково важно. Паулс говорит: «Спела, забыла, давай дальше». Он считает, что не надо задерживаться, а мне хочется оттачивать, шлифовать. Так вот, плюс в том, что я все делаю так, как считаю нужным, и значит, не буду врать на сцене. А минус — это как перед экзаменом. Обязательно что-то не успеваешь. Работа с музыкантами — моя проблема, поэтому она остается на потом. Учение текстов тоже касается только меня. И это откладывается до последнего. В результате на концерте состояние, близкое к истерике.

— Кстати, учить тексты на русском и латышском вам одинаково трудно?

— Все равно. Разница существует для тех музыкантов, с которыми я работаю в звукозаписывающей студии. Они слышат, как быстро и лихо я записываю латышские песни, как правильно это звучит ритмически и интонационно, и только тогда понимают, что русский для меня не родной язык. Как-то в Америке я с американскими продюсерами записывала русскую пластинку и во время записи вдруг поняла, что не могу выговорить слово «люблю». «Люблю» выговариваю, а «люблю» — нет. Для меня это было потрясающим открытием. Я представить себе не могла, что могу потерять звучание этого слова. Слава богу, в студии находились русские музыканты и я в панике бросилась к ним: «Скорее скажите это слово! Я теряю произношение!»

— А думаете вы на каком языке?

— Не знаю, наверное, на латышском. Хотя считаю по-русски. И читаю больше по-русски. Детство я провела в одном из рижских районов, где вообще не говорят по-русски. Где мне было учиться? В школе? Да надо мной все смеялись, когда я говорила на этом «школьном» языке!

— Лайма, а Паулс сейчас пишет для вас песни?

— Да, в последнем концерте я пою 18 его песен, а недавно записала еще одну, совсем новую, «То-кио».

— Можно ли сказать, что Паулс — композитор, наиболее полно выражающий ваше творческое «я»?

— Все лучшее, что я делала на сцене, что пела, я делала и пела благодаря Паулсу. Именно его песни дали мне возможность представить зрителям столько разных образов. Мне приятно петь его песни еще и потому, что мы принадлежим одному народу. Публике кажется, что его песни просты и легки в исполнении. Но эта легкость кажущаяся. На самом деле он пишет очень сложную музыку. Хотя, думаю, свою песню я еще не спела.

— Можете ли вы назвать себя «сэлфмейдвумен»?

— Мне очень не нравится, когда люди начинают говорить: я все сделал сам! Я сам достиг вершин! Я, я, я! Когда-то я летела в Америку, глядела из иллюминатора сверху вниз и вдруг подумала: «Боже мой, мы ведь меньше муравья!» А нам кажется, что целая вселенная! Думаю, все во власти судьбы.

Если делаешь какое-то дело, делай его хорошо, а все остальное произойдет само собой.

— У вас большой коллектив: вы прислушиваетесь к мнению своих артистов? А если оно идет вразрез с вашим представлением о том, что и как нужно делать?

— Тогда я скажу: это прекрасно, но!.. Знаете анекдот про Хайма и ребе? У Хайма умирали куры, и он пошел просить у ребе совета. «Как ты их кормишь?» — спросил ребе. «Ставлю просо, рядом миску с водой». — «Попробуй поставить по кругу». Хайм попробовал — бесполезно. Хайм опять идет к ребе. «Попробуй поставить в шахматном порядке». Опять умирают. В конце концов Хайм приходит и говорит: «Ребе! У меня умерли все куры!» — «Ах, какая жалость! У меня еще столько вариантов!» Мои ребята уже знают этот анекдот, поэтому, когда я не вижу смысла с ними спорить, то говорю: «Помните про Хайма? Вариантов много, но делать будем вот так!»

— Когда-то о вас была написана статья, которая называлась «Красотка кабаре»...

— О, нет, нет! Мне никогда не

нравился кабаре-стиль! Даже когда я пела в ночном варьете «Юрас перле».

— Об этом я и хотела спросить. Как бы вы сами определили свой стиль на эстраде?

— Трудно сказать. Наверное, танцующая певица. Шоу-певица. — «Лайма» по-латышски означает, кажется, счастье?

— Не Лайма, а уменьшительное от Лаймы — Лаймите. Это значит маленькое счастьешко. Так меня называли все в семье — мама, папа, сестры. А теперь еще и 6-летняя племянница.

— В вашей судьбе чувствуются отзвуки имени?

— Вы задаете такой сложный вопрос! Простым ответом не обойдешься, надо дать философский. Могу сказать, что такое ощущение счастья. Детство. Мы с родителями собираемся в гости, светит солнце, на меня надевают новое платьишко, и мы все вместе куда-то идем. Это счастье. А потом его становилось все меньше и меньше, и ощущение это было все короче и короче.

Беседовала Ольга ШУМЯЦКАЯ